

Арсеньев И. В., свящ. О грехопадении человека: (По поводу некоторых новейших мнений о его первобытной дикости и постепенном усовершенствовании) // Богословский вестник 1898. Т. 2. № 6. С. 256—269 (2-я пагин.).

О грѣхопадѣніи челоуѣка *).

(По поводу нѣкоторыхъ новѣйшихъ мнѣній о его первобытной дикости и постепенномъ усовершенствованіи).

Вопросъ, который я намѣренъ раскрыть въ своемъ чтеніи, имѣетъ тотъ *современный* интересъ, что такое или иное его рѣшеніе близко касается въ одно и то же время и богословія, и антропологии, и исторіи цивилизаціи. И какъ различно,—скажемъ даже сильнѣе: какъ радикально противоположно рѣшается этотъ вопросъ въ наше время! Между тѣмъ, какъ богословіе, на основаніи авторитета Богодухновеннаго бытописателя Моисея, учитъ, что, какъ все, сотворенное Богомъ, было *добро зъло*, такъ и первые люди были созданы Творцомъ совершенными и по душѣ, и по тѣлу; но что наши прародители не устояли въ своемъ первобытномъ невинномъ состояніи, преступили заповѣдь Творца и чрезъ это не только подвергли грѣховной порчѣ свою собственную духовно-тѣлесную природу, но и заразили эту порчею все свое потомство;—*современная намъ наука*, въ лицѣ большинства своихъ представителей, держится совершенно иного взгляда на этотъ вопросъ. Недаромъ въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій по исторіи религіи,—въ книгѣ эдинбургскаго профессора *Мензиса*, которая въ прошломъ году появилась и въ русскомъ переводѣ, прямо и очень категорически заявляется, что „нынѣ уже никто-де не держится мысли о первобытномъ совершенствѣ челоуѣка и его паденіи“. Нѣтъ, говорятъ современные мужи науки,—никакого паденія челоуѣка не было. Напротивъ, первобытное-то состояніе людей слѣдуетъ признать

*) Публичное чтеніе, произнесенное великимъ постомъ 1897 года въ Москвѣ, въ залѣ синодальнаго училища.

вовсе несовершеннымъ. Первые люди были дикарями въ полномъ смыслѣ этого слова и даже немногими возвышались въ своемъ развитіи надъ животными. Только въ теченіи многихъ вѣковъ, человѣчество все болѣе и болѣе шло по пути прогресса, и сейчасъ еще это побѣдоносное его шествіе не закончилось, но все продолжается, какъ по отношенію къ развитію науки, такъ и въ смыслѣ улучшенія социальныхъ условій человѣческаго быта. Таково господствующее нынѣ въ западно-европейской, отчасти и въ нашей, интеллигенціи мнѣніе относительно первобытнаго и современнаго намъ состоянія человѣчества. Причину появленія подобнаго воззрѣнія, конечно, вѣрнѣе всего искать въ томъ горделивомъ сознаніи современнаго намъ образованнаго общества, будто-бы новѣйшіе поразительные успѣхи въ области научныхъ открытій и изобрѣтеній служатъ вѣрнымъ признакомъ усовершенствованія человѣчества. Но современные намъ поклонники человѣческаго генія въ этомъ случаѣ обращаютъ свое почти исключительное вниманіе на *одну* сторону развитія человѣчества, — на развитіе его умственной дѣятельности, на одинъ только научный прогрессъ, — и слишкомъ мало смотрятъ на то, идутъ-ли люди впередъ въ нравственномъ отношеніи, — дѣйствительно-ли въ области развитія моральныхъ и социальныхъ условій современной намъ общественной жизни все обстоитъ такъ благополучно, какъ утверждаютъ, и притомъ такъ категорически, многіе современные оптимисты. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ мысль, что первобытный человѣкъ былъ совершеннымъ дикаремъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что только, прошедши всѣ ступени культурнаго развитія, человѣчество можетъ все болѣе и болѣе совершенствоваться, — такова модная теорія нашего времени, съ которою нельзя не считаться богослову, — въ виду того, что она, какъ мы сейчасъ постараемся показать, въ основаніи подрываетъ все христіанское ученіе.

Одна изъ печальныхъ сторонъ религіознаго состоянія нашего времени состоитъ въ томъ, что весьма многіе христіане, не относясь къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ съ тою внимательностію и серіозностію, какая должна была-бы быть всегдашнимъ и необходимымъ свойствомъ всякаго истинно-религіознаго человѣка, — слишкомъ мало

углубляются въ духъ евангельскаго ученія и при этомъ слишкомъ поверхностно привыкають смотрѣть на великое и всемірное значеніе личности Самого Христа и совершеннаго Имъ дѣла искупленія. Для весьма и весьма многихъ современныхъ христіанъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не болѣе, какъ великій моралистъ, который тѣмъ только и совершилъ въ жизни человѣчества великій переворотъ, что преподалъ людямъ особенно возвышенное нравственное ученіе, и притомъ осуществилъ этотъ великій нравственный идеаль въ Своей собственной жизни. Такимъ взглядомъ на Христа, какъ только на учителя нравственности, объясняется столь обычное въ наше время сопоставленіе Его съ другими религіозными учителями, напр. съ Буддою, Сократомъ, Конфуціемъ и др. Мы намѣренно упомянули о такомъ весьма распространенномъ въ наше время взглядѣ на Христа и на совершенное Имъ дѣло, — чтобы поставить этотъ столь чуждый христіанству взглядъ, напоминающій скорѣе древнее свіонейство, даже несторіанство, чѣмъ древнее христіанство, — въ связи съ только-что указаннымъ нами современнымъ воззрѣніемъ на состояніе первобытнаго человѣчества. Связь между этими двумя воззрѣніями — самая тѣсная и вполне послѣдовательная. Въ самомъ дѣлѣ, кто отрицаетъ библейское ученіе о первобытномъ совершенствѣ человѣка и о его грѣхопадѣніи, тотъ, конечно, долженъ отрицать и догматъ объ искупленіи человѣка; потому-что, если человѣкъ никогда не падалъ, если его природа не была испорчена грѣхомъ, то спрашивается: къ чему же и искупленіе? А если не нужно искупленія, то не нуженъ и Искупитель. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія современныхъ отрицателей факта грѣхопадѣнія человѣка, совершенно ненужнымъ становится и весь тотъ сверхъестественный элементъ, который занимаетъ въ христіанскомъ ученіи о Лицѣ Христовомъ столь важное и существенное значеніе, — тотъ элементъ, признаніе котораго равносильно признанію Божества Христова. Такова тѣсная связь между отрицаніемъ факта грѣхопадѣнія человѣка и ученіемъ о Божественномъ происхожденіи нашего Спасителя. Думаемъ, что, если-бы многіе христіане нашего времени, увлекающіеся современныхъ моднымъ воззрѣніемъ на природу человѣка, какъ неиспорченную грѣхомъ, — дали-бы

себѣ вполне ясный отчетъ въ томъ, что, въ сущности, это воззрѣніе приводитъ къ отрицанію всего дѣла искупленія, а слѣд. и главнѣйшаго и основнаго христіанскаго догмата о Божествѣ Христовомъ: то многіе изъ такихъ христіанъ ужаснулись бы этого вывода. Если же они, повидимому, не ужасаются при мысли о такомъ низведеніи Христа на степень простаго человѣка, но, напротивъ, какъ-то умѣютъ примирить свое „христіанство“ съ такимъ новѣйшимъ педагогическимъ, евіонействомъ и несторіанствомъ; то такое печальное явленіе объясняется, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ двумя главными ненормальностями въ религіозной жизни нашего времени: съ одной стороны, и теоретическимъ, а еще болѣе практическимъ индифферентизмомъ въ вопросахъ религіозныхъ, а съ другой — легкомысленною способностію увлекаться всякимъ *вѣтромъ ученія*, безъ критическаго разбора его сущности и внутренней несостоятельности. Эта холодность къ своему религіозному ученію и въ то же время легковѣріе по отношенію ко всякой новинкѣ, появляющейся на почвѣ религіозныхъ и философскихъ системъ, есть главная причина того, почему въ наше время въ душѣ весьма многихъ людей, мнящихъ себя христіанами, такъ мирно уживаются нѣкоторыя христіанскіе воззрѣнія съ такими взглядами, которые прямо противорѣчатъ основнымъ догматамъ христіанства.

Высказавъ такое общее сужденіе о той опасности, какую можетъ представить для религіозныхъ воззрѣній нашего времени модное увлеченіе теоріей о неспорченности человеческой натуры и о способности ея все болѣе и болѣе усовершенствоваться своими собственными силами, — мы можемъ перейти теперь прямо къ доказательству истинности библейскаго ученія о грѣхонаденіи человѣка и его грѣховной испорченности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ опроверженію мнѣнія тѣхъ, кто отрицаетъ оба эти факта.

По изображенію книги Бытія (гл. 3), недолго продолжалась та блаженная жизнь первыхъ людей въ раю, которую они проводили со времени своего сотворенія. Діаволь, принявъ на себя образъ змія, уговорилъ Еву нарушить заповѣдь Божию относительно невкушенія запрещеннаго плода, а затѣмъ Ева убѣдила и Адама совершить тотъ же грѣхъ. Слѣдствія этого паденія были самыя ужасныя и для души,

и для тѣла человѣка. Душа подверглась духовной смерти, которая заключается въ удаленіи отъ общенія съ Богомъ, а тѣло—смерти физической съ ея предвѣстницами,—болѣзнями и немощами тѣлесными. Весьма характернымъ событіемъ, непосредственно за грѣхопадениемъ первыхъ людей, является то, что они хотѣли скрыться отъ лица Божія между деревьями рая (Быт. 3, 8). „Это ясный знакъ того“, замѣчаетъ преосвящ. Сильвестръ, „что они, вслѣдъ за падениемъ, очень далеки стали отъ Бога, отчуждивши себя, какъ отъ Него Самого, такъ и отъ Его благодати „(Догмат. Богословіе, т. III. стр. 418, изд. 1885, Кіевъ). Удаленіе отъ Бога повлекло за собою самыя гибельныя слѣдствія и для нихъ самихъ, и для всего ихъ потомства. Образъ Божій въ ихъ души, хотя и не исчезъ совершенно, но настолько помрачился, что грѣховная порча одновременно коснулась всѣхъ трехъ основныхъ силъ ихъ души: ума, сердца и воли. Умъ ихъ потерялъ прежнюю свою способность непрестанно созерцать свойства Божія и ясно постигать, насколько возможно конечному и ограниченному существу, каковъ человѣкъ,—величіе Его дѣлъ. Сердце ихъ утратило тотъ Божественный пламень любви, который постоянно духовно согрѣввалъ его и побуждалъ дотолѣ блаженныхъ прародителей нашихъ всегда стремиться къ непосредственному, живому общенію съ ихъ Творцомъ. Наконецъ, воля ихъ настолько извратилась, что вмѣсто прежняго неуклоннаго стремленія къ совершенію воли Божіей, она стала, напротивъ, охотнѣе стремиться къ дѣламъ грѣховнымъ, богопротивнымъ. Ужаснымъ слѣдствіемъ грѣхопадения первыхъ людей было и то, что прародительскій грѣхъ или грѣхъ первородный перешелъ на все потомство ихъ: всѣ люди подверглись грѣховной порчѣ, и со времени падения прародителей во грѣхахъ зачинаются и рождаются. Таково, въ существенныхъ чертахъ, библейское ученіе о грѣхопадении человѣка и о первородномъ грѣхѣ, заразившемъ собою все потомство Адама и Евы.

Замѣчательно, что въ числѣ древнихъ еретиковъ мы почти не встрѣчаемъ такихъ, которые отвергали бы самый фактъ грѣхопадения первыхъ людей. Въ этомъ отношеніи новѣйшіе враги христіанства, рационалисты сдѣлали (при- скорбно сказать) шагъ впередъ. Но уже въ V вѣкѣ явилась

на западѣ, какъ извѣстно, ересь Пелагія, сущность которой сводилась къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) невѣрно, что грѣхъ Адама и Евы переходитъ на ихъ потомство; 2) человѣкъ можетъ и не грѣшить, и для этого ему не нужно никакой благодатной помощи. На этихъ двухъ основныхъ своихъ тезисахъ Пелагій построилъ всю свою еретическую систему, сущностію которой являлась мысль, что первороднаго грѣха не существуетъ. Въ XVI вѣкѣ, вскорѣ послѣ начала реформаціи, появилось на западѣ ученіе Социна, который вполне возобновилъ ересь Пелагія. Это ученіе уже являло въ себѣ отличительные признаки того отрицательнаго направленія, которое, начиная съ прошлаго столѣтія, нашло себѣ такое полное и всестороннее выраженіе въ школѣ раціоналистовъ. Сравнительно съ социніанами, эти послѣдніе, какъ мы уже замѣтили, сдѣлали въ томъ смыслѣ шагъ впередъ, по отношенію къ ученію о грѣховной порчѣ человѣка, что стали отрицать и самый фактъ грѣхопаденія нашихъ прародителей.

Было бы слишкомъ продолжительно, да и не въ предѣлахъ нашего настоящаго чтенія, во всей подробности излагать всѣ тѣ основанія, какія выставляли и древнѣйшіе, и новѣйшіе противники библейскаго ученія о первородномъ грѣхѣ въ пользу своихъ воззрѣній на природу человѣка. Въ основаніи всѣхъ подобныхъ воззрѣній лежало удивительное незнаніе этой природы, какое-то странное стремленіе закрывать глаза не только на всѣ несовершенства ея, но и на всѣ печальныя и неизбѣжныя слѣдствія этихъ несовершенствъ. Общее любимое утвержденіе, какое дѣлали и дѣлаютъ почти всѣ противники ученія о грѣхопаденіи человѣка и о грѣховной порчѣ его природы,—такое: если у каждаго изъ насъ и замѣчаются различныя грѣховныя наклонности и страсти, то это объясняется вовсе не общей грѣховной порчей нашей природы (какъ объ этомъ учить Библия), но единственно вліяніемъ дурной среды и ненормальнаго воспитанія, каковыя неблагоприятныя условія имѣютъ въ большей или въ меньшей степени мѣсто въ жизни всякаго человѣка. По другому весьма распространенному въ наше время объясненію, грѣхъ въ человѣкѣ есть не болѣе, какъ только необходимое произведеніе его чувственной природы. Но когда приходится слышать или чи-

тять такое наивное и крайне не глубокое объясненіе той грѣховной склонности, которая замѣчается у всякаго человѣка, то невольно припоминается древняя притча объ одномъ отдаленномъ отъ материка островѣ, на которомъ все населеніе составляли лишь одни калѣки,—не было ни одного здороваго. У стихъ несчастныхъ островитянъ явилась мысль, что они—самые здоровые люди, что здоровѣе ихъ никто и быть не можетъ. Поэтому, когда къ нимъ пріѣхалъ не хромымъ, они стали считать *его* больнымъ, а никакъ не *самыхъ себя*. Подобно этимъ островитянамъ, и всѣ считающіе, съ легкой руки Жана—Жака Руссо, человѣческую природу неспорченною, находятся въ состояніи глупсшаго заблужденія, какой-то непонятной мистификаціи, которая объясняется единственно недостаткомъ *самопознанія и самонаблюденія*. *Углубимся въ самихъ себя*, въ наше сердце, и станемъ съ полнымъ безпристрастіемъ наблюдать за всѣми его движеніями и порывами. Къ какому заключенію приведетъ cadaго изъ насъ такое наблюденіе? Къ тому, что мы имѣемъ въ своей природѣ какую-то особенную наклонность ко злу. У насъ *больная* воля, которая, видимо, слишкомъ часто склоняется къ нарушенію нравственнаго закона. Для насъ какъ-то особенно всегда пріятно бываетъ стремиться къ запрещенному. Не даромъ еще въ древности сложилась поговорка: *nitimur in vetitum*. Какъ-же объяснить такое печальное явленіе? Утверждать, что такая склонность ко злу есть нѣчто вполне нормальное, значило бы совершенно закрывать глаза на тотъ чудный порядокъ и на ту стройную гармонію, какіе мы повсюду замѣчаемъ въ природѣ. Если все въ природѣ постоянно слѣдуетъ опредѣленнымъ законамъ, начиная съ величайшихъ небесныхъ свѣтилъ и кончая малѣйшею инфузоріею; то какъ допустить, что въ жизни того существа, которое, по словамъ поэта Державина, есть связь двухъ міровъ, духовнаго и матеріальнаго, и которое очень вѣрно и мѣтко еще древними мудрецами именовалось *микрокосмосъ* или *малымъ міромъ*;—какъ допустить, что въ жизни такого существа нарушеніе нравственнаго закона есть нормальное явленіе? Нѣтъ, это *аномалія* и аномалія, *великая*. Но, можетъ быть, на это скажутъ: что-же удивительнаго, если человѣкъ согрѣшаетъ? Вѣдь, это прямое слѣдствіе того, что онъ—су-

щество свободное? Нѣтъ, отвѣтимъ мы: изъ свойства свободы воли вовсе не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ имѣлъ особенную склонность ко грѣху, но только то, что онъ *можетъ* грѣшнить. Но *имѣть возможность* грѣшнить и *чувствовать склонность* ко грѣху—это двѣ вещи совершенно различныя. Для того, чтобы человѣкъ, по аналогіи съ прочими земными тварями не нарушалъ собою общей гармоніи, для этого необходимо было-бы, чтобы его свобода, при всей возможности сдѣлать выборъ между добромъ и зломъ, въ то же время, по самой природѣ своей, болѣе склонялась къ добру. Между—тѣмъ мы видимъ совершенно противное тому: наша природа до такой степени склонна ко всему злему, грѣховному, что для насъ требуется немалыхъ усилій, а нерѣдко подвиговъ, чтобы побѣдить эту наклонность и заставить себя дѣлать доброе. Все это *факты*, въ истинности которыхъ никто не станетъ сомнѣваться, такъ какъ они основаны на ежедневномъ жизненномъ *опытѣ* cadaго изъ насъ. Замѣчательно, что еще философы и писатели языческаго міра съ глубокою скорбію сознавали въ себѣ присутствіе такой фатальной склонности ко грѣху. Такъ, *Платонъ* въ своемъ діалогѣ „Федръ“, дѣлаетъ такое картинное изображеніе внутренняго разлада въ нашей душѣ: „Колесница души приводится въ движеніе парой коней. Одинъ изъ нихъ красиво сложенъ, имѣетъ высокую шею, черные глаза, бѣлой масти, и не нуждается въ ударахъ кнута. Напротивъ, другой—на крѣпкой привязи, упрямаго нрава, съ красными глазами, сѣрой масти“. Очевидно, что великій ученикъ Сократа, слѣдуя безсмертному наставленію своего учителя: „познай самого себя“, дѣйствительно, углубился въ свой внутренній міръ и легко замѣтилъ въ немъ тотъ ненормальный перевѣсъ воли ко злу, котораго не хотять знать современные намъ моралисты, но который, однако же, настолько силенъ, что для его укрощенія требуется „самая крѣпкая привязь“. *Диогенъ Лаэртій* въ своемъ сочиненіи „*Vitae philosophorum*“ приводитъ такое изреченіе философа *Кратеса*: „Какъ въ гранатномъ яблочкѣ всегда „находится хотя бы одно гнилое зернышко, такъ и во всякомъ человѣкѣ находится „хотя бы одна грѣховная склонность; ни одинъ не безъ грѣха“. Весьма замѣчательны и слова Діодота въ его рѣчи къ

Клсону, которая приводитъ намъ историкъ Оукидидъ въ своей исторіи Целопопезской войны: „Всѣ люди грѣшатъ „открыто и тайно. Злая похоть ослѣпляетъ ихъ разумъ, „отчего грѣхи и совершаются“.

Если мы обратимся къ преданіямъ древнихъ народовъ, то увидимъ между ними также удивительное согласіе по отношенію къ признанію того факта, что наша природа испорчена грѣхомъ, и даже какъ-бы нѣкоторыя воспоминанія о грѣхопадении нашихъ прародителей.

Постараемся изложить здѣсь содержаніе наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ преданій.

На первомъ мѣстѣ по своей ясности слѣдуетъ поставить два преданія, которые мы находимъ у древнихъ грековъ: мифъ о Прометей и о Пандорѣ.

Прометей сдѣлалъ дерзновенную попытку похитить у Божества Его тайну и тотчасъ былъ за это наказанъ: онъ прикованъ былъ къ скалѣ, причемъ его клюетъ злой коршунъ, — порожденіе чудовища — ехидны, которое представляло изъ себя частію женщину, частію змія. Не трудно понять глубокой смыслъ этого мифа. Прометей — это олицетвореніе человѣчества. Попытка его похитить тайну Божества, а по другимъ редакціямъ этого мифа, — огонь, принадлежавшій Божеству, — эта попытка есть прикровенное изображеніе грѣхопадения первыхъ людей, пожелавшихъ быть *яко божи*.

Коршунъ — чадо ехидны, — полу-женщины, полу-змія — это, очевидно, грѣхъ, вошедшій въ родъ человѣческій чрезъ змія и Еву. — Замѣчательно, что указанными подробностями мифъ о Прометей не исчерпывается въ своемъ содержаніи: далѣе въ немъ раскрывается, что прикованный къ скалѣ похититель небеснаго огня или небесной тайны не совершенно лишень былъ всякаго утѣшенія. У него осталась надежда на избавителя. И эта подробность невольно заставляетъ насъ припомнить то обстоятельство въ исторіи грѣхопадения нашихъ прародителей, что Господь, хотя и осудилъ ихъ на изгнаніе изъ рая и на болѣзни, труды, скорби и смерть, — однако, въ тоже время даровалъ имъ первоевангеліе, — радостную вѣсть о Сѣмени Жены, будущемъ Спасителѣ.

Мифъ о Пандорѣ не менѣе ясно намекаетъ на истин-

ность библейскаго сказанія о грѣхопадѣніи первыхъ людей. Молодая женщина Пандора, одаренная всевозможными дарами неба, получаетъ приказаніе хранить одинъ таинственный ящикъ, открывать который ей строго запрещено. Но она не въ силахъ устоять предъ искушеніемъ любопытства, и вотъ она, вопреки строгому запрещенію, открываетъ ящикъ, и изъ него немедленно выходятъ всевозможныя бѣдствія и наполняютъ собою землю. На днѣ ящика остается лишь *надежда*. Не намекъ-ли и здѣсь на грѣхопадѣніе Адама и Евы и на дарованную имъ надежду на Испытателя?

Современникъ Гомера, древній греческій поэтъ Гезіодъ, упоминаетъ въ своей „*Θεογονίᾳ*“ объ этихъ двухъ мифахъ, причемъ называетъ Прометея неосторожнымъ Эпиметеемъ, который получилъ отъ Зевса въ жены дѣву Пандору, и затѣмъ причинилъ своимъ безразсудствомъ много зла всѣмъ остальнымъ смертнымъ. Не прикровенное-ли это напоминаніе объ Адамѣ и Евѣ и ихъ грѣхопадѣніи?

Древнѣйшая священная книга персовъ, *Зендъ-Авеста*, сохранила также весьма замѣчательное сказаніе о томъ, какъ первый человѣкъ, *Мешіа*, и первая жена, *Мешіане*, были сначала чистыми, такъ-какъ во всемъ покорялись волѣ Ормузда. Злой геній, противникъ Ормузда, Ариманъ, увидѣлъ ихъ и позавидовалъ ихъ счастію. Онъ принялъ видъ одного животнаго, предложилъ имъ плоды и увѣрилъ ихъ, что онъ творецъ всего существующаго. Они ему повѣрили и чрезъ это совершенно очутились въ его власти. У древнихъ египтянъ тѣмъ-же лицомъ, что и персидскій Ариманъ, былъ, какъ можно догадываться по близкому сходству египетскаго и персидскаго мифовъ, злой драконъ Тифонъ, завладѣвшій всѣмъ человѣчествомъ, но потомъ побѣжденный Юпитеромъ.

И у древнихъ индусовъ, въ ихъ религіозныхъ преданіяхъ, мы находимъ до такой степени ясныя намеки на библейскій рассказъ о грѣхопадѣніи человѣка, что даже извѣстный врагъ христіанства, Вольтеръ, въ свое время замѣтилъ это сходство. Въ этихъ преданіяхъ царь ассуровъ или демоновъ называется нерѣдко царемъ змій. Иногда самъ главный змій именуется у индусовъ Кали. Онъ причинилъ такъ много зла всѣмъ тварямъ, что потребовалось воплощеніе

бога Вишну для исправленія всего этого зла. Чудовище Кáli изображается полу-женщиной, полу-зміемъ.

Китайское древнее преданіе изображало состояніе перваго человѣка блаженнымъ и называло его состояніемъ *перваго неба*. Въ то время человѣкъ былъ въ соединеніи съ Божествомъ и совершалъ всѣ дѣла добродѣтели. Его сердце въ то время увеселялось истиною; въ немъ еще не было никакой примѣси лукавства. Въ то время ничто не вредило человѣку, и самъ человѣкъ ничему ни вредилъ. Всеобщая гармонія царила во всей природѣ. Не правда-ли, какое здѣсь вѣрное изображеніе райскаго состоянія первыхъ людей?

Еще несравненно большее значеніе для разбираемаго нами вопроса имѣютъ нѣкоторыя стороны религіознаго культа многихъ древнихъ народовъ. Всѣ эти стороны также могутъ служить весьма убѣдительнымъ доказательствомъ повсемѣстнаго вѣрованія въ необходимость загладить грѣхъ, лежащій на человѣкѣ, искупить его и снова примирить людей съ Богомъ.

Изъ-подъ пера даже такого врага Библіи, какимъ былъ Вольтеръ (см. его сочиненіе: „*Essai sur les moeurs*“ гл. 120), вышло какъ-бы невольное признаніе слѣдующаго свойства: „Изъ всѣхъ различныхъ религій, говоритъ онъ: нѣтъ ни одной, которая не имѣла бы своею цѣлію *искупленіе* грѣховъ. Человѣкъ всегда сознавалъ, что онъ нуждается въ Божественномъ милосердіи“.

И это замѣчаніе совершенно вѣрное: нѣтъ ни одной религіи, въ которой мы не находили бы указанной Вольтеромъ замѣчательной черты. У всѣхъ народовъ одною изъ существенныхъ сторонъ религіознаго культа всегда являлись жертвоприношенія, посредствомъ которыхъ они старались умилостивить Божество. Какъ объяснить такую отличительную принадлежность почти всѣхъ религій, какъ не тѣмъ, что всѣ народы глубоко сознавали ту грѣховную порчу, которою заражена была человѣческая природа, и чувствовали потребность какъ-нибудь искупить ее и умилостивить оскорбленное грѣхомъ правосудіе Божіе?

„Какую бы религію, извѣстную въ исторіи“, замѣчаетъ по этому поводу одинъ почтенный отечественный апологетъ, протоіерей Петропавловскій, „мы ни стали разсматривать,

„мы найдемъ, что наивысшею цѣлю или задачею ея служить уничтоженіе раздѣлительной стѣны, сложенной и „воздвигнутой изъ необозримой массы разнообразныхъ чело- „вѣческихъ преступленій. Какъ примирить человѣка съ „Богомъ, какъ изгладить вину человѣка предъ правосудіемъ „Божіимъ, чѣмъ умиротворить его собственую совѣсть, „отягчаемую грѣхами?..... вотъ вопросы, которые такъ или „иначе рѣшаетъ каждая религія“¹⁾.

И этотъ несомнѣнный фактъ въ исторіи сравнительной этнографіи и религіи настолько важенъ, прибавимъ, мы отъ себя, что съ нимъ никакъ нельзя не считаться всякому ученому нашего времени. Уже самая его всеобщность лучше и краснорѣчивѣе всего говоритъ въ пользу той истины, что все. челоѣчество заражено грѣхомъ, что это состояніе совершенно ненормальное и потому требующее излѣченія, но притомъ излѣченія, имѣющаго характеръ сверхъестественный,—со стороны Бога. Какъ не основательны, послѣ этого, всѣ исторіи древнихъ и новыхъ отрицателей грѣхопаденія человѣка и первороднаго грѣха!

Впрочемъ, не удивительно, что современное намъ міросозерцаніе нѣкоторыхъ философскихъ школъ такъ вооружается противъ библейскаго ученія о грѣховной порчѣ человѣка. Это міросозерцаніе по своему направленію есть, въ существѣ дѣла, атеистическое: истину о бытіи *личнаго* Бога оно отвергаетъ; отрицаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нужду во всякой сверхъестественной помощи, находя, что челоѣкъ своими силами все можетъ сдѣлать. Съ точки зрѣнія современной науки о челоѣческой природѣ, челоѣкъ есть *самъ* высшее существо, какъ бы отчасти нѣкоторое божество. При такомъ взглядѣ, ничего нѣтъ страннаго, что и воля челоѣка поставляется въ наши дни единственнымъ и высшимъ масштабомъ для всей нашей дѣятельности. Гдѣ уже тутъ признавать, что эта воля большая, зараженная грѣхомъ! По мнѣнію нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ, ничего въ ней ненормальнаго и болѣзненнаго нѣтъ. Не даромъ и все современное міросозерцаніе часто обозначается весьма выразительнымъ наименованіемъ *современ-*

¹⁾ См. Прот. Петропавловскаго: „Значеніе крестной жертвы Спасителя“, стр. 4—5.

наго гуманизма. Дѣйствительно, наше время можно назвать временемъ культа человѣчества, при которомъ человѣкъ ставится на мѣсто Бога. Къ несчастію, новѣйшіе успѣхи въ области научныхъ открытій, вмѣсто того, чтобы все болѣе и болѣе возбуждать въ душѣ человѣка благоговѣйное удивленіе предъ величіемъ Творца,—слишкомъ часто только питаютъ гордость ума человѣческаго; такъ что человѣкъ начинаетъ серьезно воображать о себѣ, что все ему возможно, и что онъ, слѣд., въ нѣкоторомъ родѣ существо всемогущее. Такой гордый взглядъ на самого себя, на свою природу, ближайшимъ и прямымъ своимъ слѣдствиемъ имѣетъ то, что у современной намъ интеллигенціи чаще всего встрѣчается убѣжденіе въ возможности самоусовершенствованія человѣка безъ всякой благодатной помощи. Это убѣжденіе полагается краеугольнымъ камнемъ для большинства современныхъ намъ теорій нравственности. Такія теоріи на всѣ лады твердятъ намъ, что задача всякаго изъ насъ состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть гармоніи нашего существа. Но какъ ея достигнуть? Указываютъ, съ одной стороны, на самообладаніе, а съ другой—на привычку подчинять свою волю требованіямъ нравственнаго закона. Повѣрьте, говорятъ намъ современные моралисты, — повѣрьте, стѣдуетъ человѣку только взять себя въ руки, твердо рѣшиться подчинять себя всегда этимъ требованіямъ, и онъ можетъ смѣло рассчитывать на то, что онъ сталъ на путь постепеннаго нравственнаго самоисправленія и самоусовершенствованія.

Но (увы!) какъ часто приходится убѣждаться въ противномъ! Какъ часто всѣ эти стремленія къ самоусовершенствованію оканчиваются полнѣйшимъ разочарованіемъ! Человѣкъ не можетъ не замѣтить въ глубинѣ своей природы, что въ ней не только нѣтъ желаннаго единства и гармоніи, но, напротивъ, господствуетъ глубокой разладъ, о которомъ еще великій Апостоль языкниковъ такъ краснорѣчиво сказалъ: „я знаю, что не живеть во мнѣ, то есть въ плоти моей, доброе; потому-что желаніе добра *есть* во мнѣ, но чтобы *сдѣлать* оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю... Въ членахъ моихъ я вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона

грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавить меня отъ сего тѣла смерти“? (Рим. 7, 18—19, 23—24). Таковъ, по изображенію Апостола, вопль человѣка въ его естественномъ состояніи, когда онъ предоставленъ самому себѣ. Но, непосредственно послѣ этихъ словъ, тотъ же св. Апостолъ восклицаетъ: „благодарю Бога моего Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ“! (ст. 25), и этимъ онъ какъ-бы хочетъ показать намъ, *гдѣ* находится единственный источникъ къ совершенствованію: не въ насъ, нашей больной, зараженной грѣхомъ, природѣ слѣдуетъ искать его, но только въ сверхъестественной, благодатной помощи нашего Божественнаго Искупителя. Далекі, весьма далеки современные намъ моралисты отъ этого смиреннаго сознанія своей немоши и стремленія къ помощи Божественноѣ; но за то и нѣтъ, да и не можетъ быть у нихъ того радостнаго, мирнаго душевнаго настроенія, которое имѣлъ св. Павелъ, когда воскликнулъ: „благодарю Бога моего Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ“! Напротивъ, разочарованные въ своихъ собственныхъ силахъ, они впадаютъ въ нѣкоторую апатію или даже въ глубокое уныніе. Этимъ объясняется, почему въ наше время, рядомъ съ гордою проповѣдію о возможности самоусовершенствованія, такъ часто мы встрѣчаемъ иного рода рѣчи, проповѣдующія мрачныя и безотрадныя теоріи пессимизма. Да иначе и быть не можетъ; предоставленный самому себѣ человѣкъ никакъ не можетъ одними собственными усиліями выйти изъ глубины своего грѣховнаго состоянія и потому легко впадаетъ въ полное разочарованіе въ своихъ силахъ. Въ этомъ и заключается сущность пессимизма.

Въ заключеніе нашего чтенія не можемъ не высказать нашимъ почтеннымъ слушателямъ тѣхъ мыслей, которыя навѣяла на насъ выбранная нами тема. Книга Бытія, въ 11-й главѣ своей, повѣствуетъ намъ о безумномъ предпріятіи, которое задумали однажды древніе люди при немалой степени своей культуры. Они вознамѣрились построить высочайшую башню, вершина которой касалась бы неба. „Сотворимъ себѣ имя“! Объединимъ свои силы! — вотъ ихъ гордый мотивъ для такого предпріятія. Не напоминаетъ-ли міросозерцаніе большинства представителей науки

нашего времени въ нѣкоторомъ отношеніи древнее столпотвореніе Вавилонское? Видя, что теперь люди все болѣе и болѣе разъединяются, и не желая понять того, что такое разъединеніе ихъ является прямымъ результатомъ упадка религіи и усиленія человѣческаго эгоизма, — современные ученые стараются уничтожить это разъединеніе не возвращеніемъ человѣчества къ Богу, но только внѣшнимъ, чисто механическимъ способомъ. Они хотятъ показать, что могутъ *сами, своими* силами достигнуть задуманной ими централизаціи, — образовать общество безъ Бога, съ одними земными идеалами. Человѣчество, его земное процвѣтаніе и матеріальное благоденствіе, — вотъ ихъ девизъ. Страшно становится при видѣ такого новаго столпотворенія. Вспомнимъ, какъ наказалъ Господь строителей древней Вавилонской башни: Онъ смѣшалъ ихъ языки и разсѣялъ по всей землѣ. Какъ-бы и нынѣшнимъ ревнителямъ человѣческой централизаціи и самоусовершенствованія не подвергнуться еще большому разъединенію! Какъ-бы имъ не услышать отъ праведнаго Судии строгаго и, вмѣстѣ любвеобильнаго обличенія и увѣщанія: „ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. „Совѣтую тебѣ купить у Меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видѣть. Кого „Я люблю, тѣхъ обличаю и наказываю. Итакъ, будь ревностенъ и покайся“! (Апок. 3, 17—19).

Дай Богъ, чтобы нынѣшніе отрицатели грѣхонпаденія человѣка и сторонники ученія о его самоусовершенствованіи скорѣе поняли всю ложь своей теоріи и поспѣшили-бы, сознавъ свое безсиліе, за помощію къ Тому, Кто взялъ на Себя наши немощи и болѣзни и Своею крестною смертію примирилъ насъ опять съ правосудіемъ Божиимъ! Только на вѣрѣ въ Него основано истинное счастье людей; только слѣдуя за Нимъ, можетъ человѣчество достигнуть истиннаго и полнаго прогресса и своего великаго назначенія.

Священникъ Іоаннъ Арсеньевъ.